

Что сердечко подскажет

Автор-составитель Борис Ганаго

Что сердечко подскажет

Сборник рассказов

Автор-составитель Борис Ганаго

Художник Елена Пономаренко

Минск

Братство в честь Святого Архистратига Михаила

2011

УДК 23/28

ББК 86

Г 19

*Допущено к печати Издательским Советом
Белорусской Православной Церкви.*

Решение № 477 от 17.06.2011

Что сердечко подскажет: сб. рассказов / сост.
Б.А.Ганаго. — Минск, 2011. — 64 с.

Г19 ISBN 978-985-6978-16-9

*Для младшего и среднего
школьного возраста*

А что в нашем сердце? Когда его можно слушать?
Словом, эта книжка — попытка поговорить о делах
сердечных со вступающими в жизнь.

УДК 23/28
ББК 86

ISBN 978-985-6978-16-9

© Ганаго Б.А., составление, 2011

Что сердечко подскажет?

Плачет девочка: у нее Сережа из соседнего подъезда забрал машинку. Няня уговаривает его вернуть игрушку, но он только сильнее прижимает ее к груди.

— Ну, будь умницей. Посмотри, как горько плачет малышка. Отдай!

— Не отдам! — насупив брови, бормочет мальчик.

— Перед людьми стыдно, верни. Вон и солнышко за тучки спряталось, не хочет на тебя смотреть. Верни!

Но мальчуган упорно стоит на своем.

Заметив происходящее, подошел прохожий.

— Ух ты! Какая машинка! Дай-ка посмотреть!

И как маленькие пальчики ни старались удержать свою добычу, через мгновение она оказалась в громадной руке дяди.

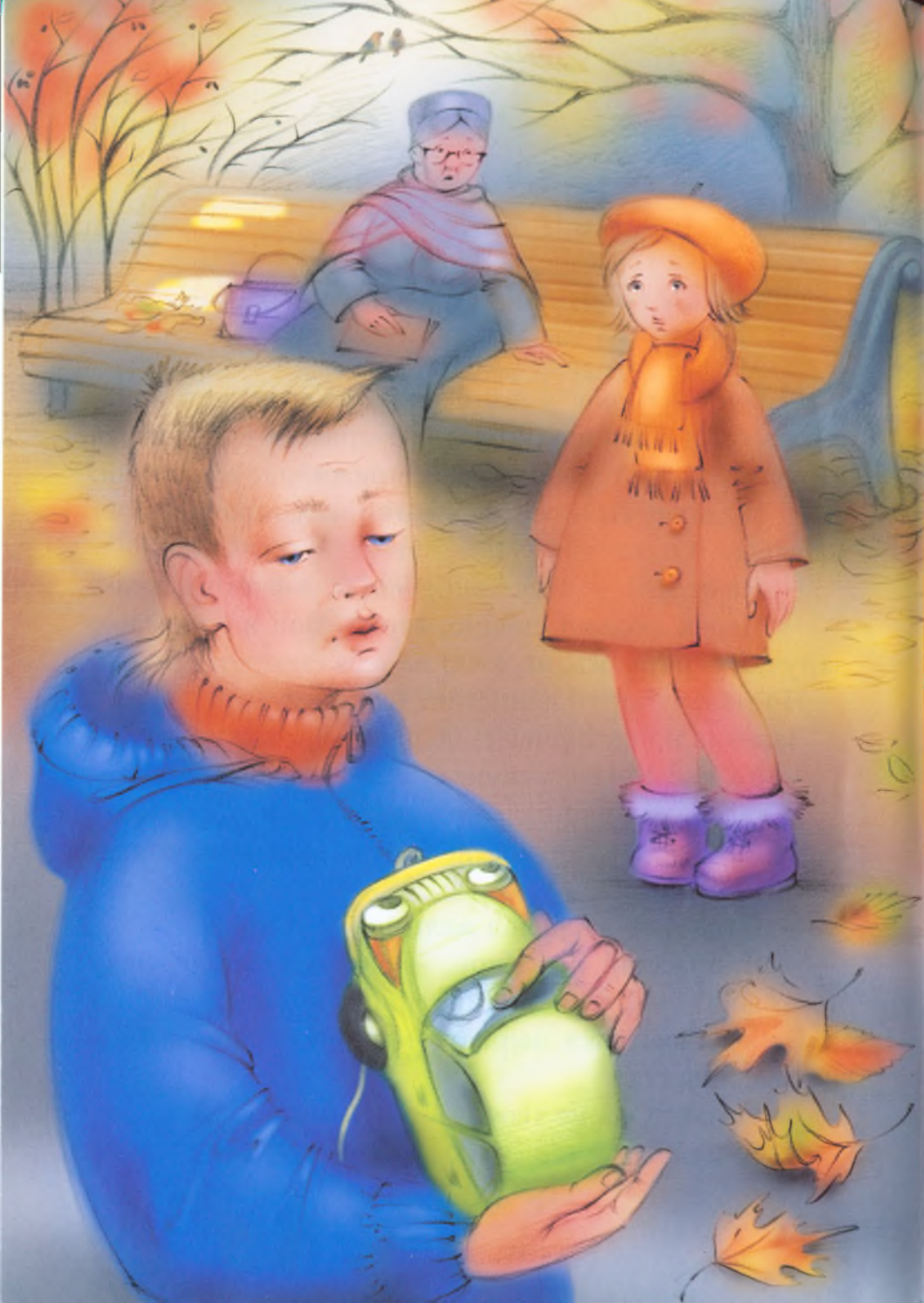
— Отдай! — закричал мальчик. — Отдай!

— Я, пожалуй, ее заберу, — разглядывал игрушку прохожий. — Очень она мне приглянулась.

Сережа пытался вырвать машинку, призывая к справедливости:

— Отдай! Она не твоя!

— А чья?

— Моя... — с трудом выговорил мальчик.

— Твоя?! — удивился дядя. — Почему же так горько плачет девочка?

Сережа не знал, что ответить.

— А если я заберу машинку у тебя, ты будешь плакать? — спросил незнакомец.

Мальчик, подпрыгивая, хотел вырвать игрушку из высоко поднятой руки.

— Что же делать?! — размышлял прохожий. — Нет, нет. Я ее не возьму. На ней останутся слезы девочки, и она никому не принесет радости. На! Поступай, как тебе сердце подскажет.

Вернув машинку, незнакомец ушел.

Девочка с надеждой поглядывала на Сережу. Тот напряженно морщил лоб.

— Ну, что тебе сердечко подсказывает? — ласково спросила няня.

Мальчуган потоптался немного, потом направился к девочке.

— Бери!

Лицо малышки озарила улыбка:

— Давай вместе играть!

В этот момент выглянуло солнышко, и какая-то светлая радость снизошла на всех.

А мама говорит...

Коля и Никита всегда были неразлучны: вместе ходили в детский сад, потом в школе сидели за одной партой и даже домашние задания часто выполняли вдвоем. Они много читали и делились впечатлениями о прочитанных книгах, о героях, на которых хотели бы походить. Несмотря на разный характер — у Никиты он был взрывной, у Коли — спокойный и рассудительный, — а может, и благодаря этому, дружили они крепко.

И вдруг поссорились.

Первой, кто заметил неладное, конечно, была Милка. Эта девчонка всегда все видела и вмешивалась в события класса. Однажды ребята даже хотели проучить правдоискательницу. Обступили ее, но она вдруг заявила:

— А моя мама говорит, что если мальчишка не может один справиться с девчонкой и зовет на помощь еще пятерых, то какой из него вырастет мужчина?

Ребята растерялись, не зная, что ответить. Она же повела плечиком и спокойненько вышла из круга.

Дело в том, что ее мама была известным адвокатом, и только поэтому ребята терпели вредный Милкин характер.

— Вы что, поссорились? — спросила она Никиту.

— Не поссорились, — заносчиво ответил тот, — а разошлись во взглядах.

— А моя мама говорит, — возразила Милка, — что если друзья не могут быстро помириться, значит, их дружба была ненастоящая.

— Я тебе сейчас покажу «ненастоящую» дружбу! — крикнул Никита и бросился на Милку, но та увернулась и спряталась за стайкой девчонок, которые тут же заняли оборону. Выглянув из-за спин подружек, она со смехом добавила:

— А еще моя мама говорит, что если бывшие друзья друг на друга не смотрят, значит, они так сильно поссорились, что не могут вспомнить из-за чего!

Никита опять хотел прорваться к Милке, но тут прозвенел звонок, и в класс вошла Клавдия Алексеевна. Она начала урок, но мальчик совсем ее не слушал, пытаясь вспомнить детали своей ссоры с Колей.

Все началось с городской выставки детского творчества. От школы послали рисунок Коли под названием «Осенний дождь». Всего-то там и было: дождь, громадная лужа, и в ней детский сапожок. Но картина заняла первое место. Вручая Коле призы — альбом для рисования, наборы красок и цветных карандашей, — председатель жюри сказал: «Продолжай в том же духе. Будешь лауреатом!».

Это прозвище прилипло к Николаю, и его с тех пор так и стали называть. Когда учительница задавала на дом что-нибудь нарисовать, к нему выстраивалась целая очередь. Коля никому не отказывал: подправлял чужие работы, иногда что-нибудь советовал.

Так было и в этот раз. И вдруг тишину очереди нарушил звонкий голос Милки:

— А моя мама говорит, что рисовать за другого — это не помощь, а обман, грех! Так незаметно можно и обманщиком стать!

— К-ш-ш... Уходи-ка ты, Милка, подобру-поздорову. А то получишь! — зашумели ребята.

Но Милка не испугалась, заявив:

— А мама говорит, что если за тебя все будут делать другие, то от тебя только и останется сапог в луже.

И упорхнула. Тут как раз Никита подошел к товарищу без очереди и подсунул чистый лист со словами:

— Будь другом, нарисуй!

Но Коля вдруг рассердился:

— Ты что? Думаешь, друг — это тот, кто дает тебе списывать или рисует за тебя? Это не помощь, это обман! А дружба не может строиться на обмане!

— Ах, так?! — возмутился Никита. — Не нужно мне от тебя ничего, «лауреат»!

Собрав вещи в сумку, он гордо направился к выходу.

— Ну и уходи! — крикнул ему в спину Коля.

Вспомнив ссору, Никита почувствовал себя виноватым: «А ведь Коля прав. От того, что я перепишу решенную им задачу или сдам его рисунок вместо своего, мне ничему не научиться, кроме лжи. Я действительно обманывал всех и прежде всего самого себя».

— Решено! — подумал мальчик. — Сегодня же я пойду к Коле домой и помирюсь.

Сашка-Шурочка

Родилась у мамы дочка долгожданная, ненаглядная, и дали ей имя Александра. Но мама всегда называла ее Шурочкой, потому что так когда-то звали ее любимую бабушку.

Девочка была спокойная и послушная, но если вдруг начинала проказничать и своевольничать, мама ей тут же говорила: «Это не моя дочка проказничает и капризничает! Моя Шурочка самая золотая, самая хорошая. Это какая-то чужая девочка по имени Сашка. Это она плохая, капризная, и свою маму не слушает, а моя Шурочка лучше всех на свете».

Росла Шурочка, умнела не по дням, а по часам. Стала мама замечать неладное: вернется домой с работы, а игрушки все разбросаны. «Кто это сделал?» — спросит. А Шурочка в ответ: «Это чужая девочка Сашка приходила и все разбросала». Книжка порвана, а Шурочка твердит: «Сашка приходила, книжку порвала». Конфеты перед обедом съедены, и опять у Шурочки готово объяснение: «Сашка виновата».

А когда пошла Шурочка в детский сад, совсем с ней сладу не стало: набедокурит, с ребяташками подерется, воспитателям нагрубит, да все на Сашку сваливает.

Поняла мама, что она одна во всем виновата: научила дочку любимую, как собственную вину не признавать, сама уловку доченьке подсказала. Долго думала мама, как такому горю-беде помочь. Ведь вырастет дочка, что с нею станет, как она найдет правильную дорогу в сложной взрослой жизни?

Подсказали маме люди добрые сходить к батюшке в храм, все как есть рассказать и попросить духовной помощи и мудрого совета. Так мама и поступила.

Батюшка долго маму слушал, понимающе головой кивал: «Хорошо, что вы обратились ко мне не слишком поздно. Бог милостив, поможет вам и вашей дочке. Приведите ее ко мне, я сам с ней поговорю».

И вот стоит Шурочка перед батюшкой, а он торжественный такой, строгий, серьезный. Хотела уже Шурочка испугаться и заплакать, но в глаза батюшке посмотрела, а они добрые и улыбаются.

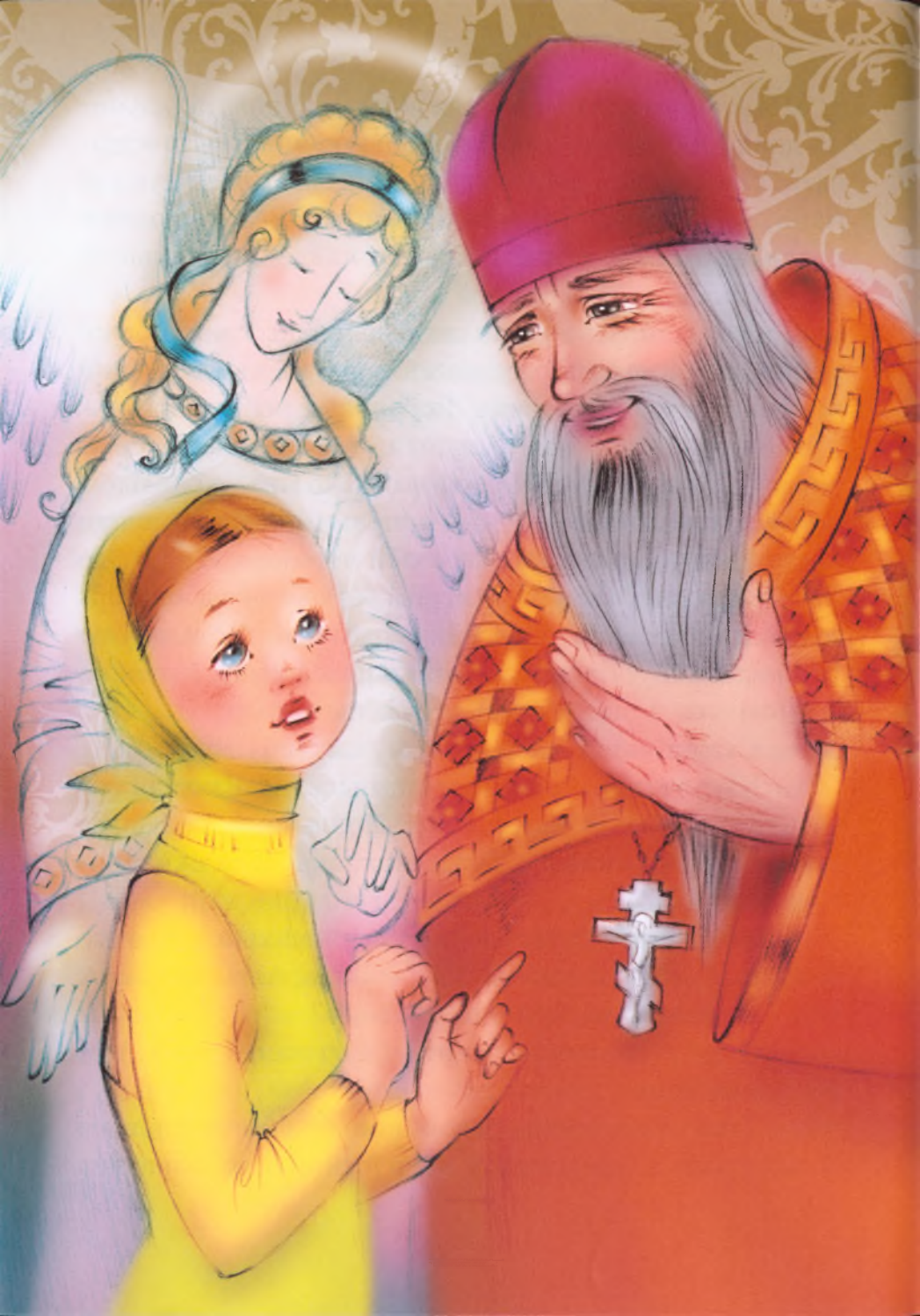
— Скажи-ка ты мне, деточка, как тебя зовут?

— Шурочка, — осмелела девочка. — Я самая золотая и хорошая мамина дочка. Но, знаешь, дедушка, есть чужая девчонка Сашка, так она плохая, непослушная.

— Это не совсем так, — ласково поправил девочку батюшка. — Твое имя не Шурочка, а Александра. А тебе рассказывали, что оно означает?

— Нет, — снова присмирела девочка, — я об этом ничего не знаю.

— Твое имя очень старинное и замечательное. В переводе с греческого на русский оно означает

«Мужественная». А дано тебе оно в честь мученицы Александры, которая вела праведную жизнь и пострадала во славу Иисуса Христа.

А Шурочка или Сашка — это все люди придумали. Перед Господом ты всегда будешь Александрой, и по этому имени твой Ангел-Хранитель тебя всю жизнь защищать будет. Ты ведь хочешь, чтобы у тебя всегда был сильный, добрый и могущественный небесный заступник?

— Хочу, хочу, дедушка, — обрадовалась Шурочка. — А он всегда-всегда со мной будет?

— Всю твою земную жизнь, если ты будешь отвечать за свои поступки и просить у Господа прощения, когда ошибешься или сделаешь что-нибудь нехорошее. Поняла ты меня, Александра?

— И если я расскажу ему всю правду, он всегда простит меня?

— Всегда-всегда, потому что Он Господь Милостивый и Всепрощающий.

— И такой же добрый, как ты, дедушка?

— В тысячи-тысячи раз добрее! — заулыбался ба-
тюшка.

На этом разговор с Шурочкой и закончился. Началась совсем другая история — жизненная история девочки Александры.

Бабочка-однодневка

Ксюша раскачивалась на гамаке и любовалась бабочкой. Какая она красивая, легкая. Порхает с цветочка на цветок. Вот бы мне так!

Только подумала, как вдруг ее словно туманом окутало. Когда он рассеялся, оказалась Ксюша не в гамаке, а на дивном лепестке, а за спиной у нее — крылышки расписные. Взмахнула ими — и перелетела на другой бутончик. На нем пыльца бархатистая, нектар меда слаще. Тепло. Солнышко пригревает. Легкий ветерок стебелек покачивает. Не жизнь, а сплошное удовольствие.

Опять полетала, утомилась чуток. Пристроилась в тенечке и задумалась: «Что за жизнь мне такая выпала? Порхай да радуйся. Прежде, когда я была девочкой без крылышек, меня игрушки прибирать заставляли, кашу кушать... А тут летай от цветочка к цветочку, ни о чем не заботясь.

Ну, хорошо, полетаю час-два, а потом что? И у кого бы узнать про этот туман загадочный? Помню, я глаза зажмурила и... Попробую еще разок. Раз, два, три — закрываю... Теперь открываю.

Что это? Передо мной книжка с яркими бабочками нарисованными. Одна другой краше. Интересно, что

про них написано? О-о-о! Они, оказывается, один день живут, бедняжки».

И так Ксюше их жалко стало, что побежала она к бабушке.

— Бабуль, а бабуль, — чуть не плакала девочка. — Неужели бабочка — вот эта красавица — живет всего один день?

— Да, — посочувствовала бабушка, — такой ей век Бог дал.

— Бабуся, а сколько мне Бог дней даст?

— Это тайна, милая. Но Господь нам подарил много-много дней здесь, на земле, а потом и на небе целую вечность. Но только тем, кто подаренные ему дни не пропорхает.

Три Мурки

Однажды мама повела маленькую Машу на выставку кошек. Девочка была в восторге. С этого дня она стала просить маму купить ей маленькую кошечку. Но мама объяснила дочке, что эти пушистые красавицы требуют большого внимания, а Маша еще не научилась заботиться даже о себе. Вздыхнув, девочка согласилась.

Однажды она увидела перед своим подъездом беленький пушистый комочек с золотистыми пятнышками по бокам. Котенок смотрел на Машу и тихонько мяукал. Девочка схватила его и побежала домой.

— Мама, давай возьмем котеночка, — попросила дочка.

— Ну что ж, давай, — согласилась мама.

Так в доме появилась Мурка. Маша полюбила котенка. Он был такой ласковый, шаловливый и мог играть с Машей днями и вечерами, а ночью укладывался спать на ее кровати.

Но шли недели и месяцы, и маленькая Мурка превратилась в большую и красивую кошку. Она все реже играла с Машей.

Девочке не нравилась взрослая кошка, и она решила от нее избавиться. Как-то раз к ней зашла подружка.

— Ах, Маша! — воскликнула она. — Какая у тебя красивая кошка! Вот бы мне такую!

— Что ж, — сказала Маша, — бери ее, я тебе дарю. И подружка забрала кошку. А вечером мама спросила:

— Где же Мурка?

— Я выпустила ее ненадолго во двор, — тут же придумала дочка. — За ней погналась собака, она и убежала. Я ее искала-искала, но не нашла.

Раньше Маша никогда не обманывала маму. Она знала, что Бог не любит детей, которые лгут. А тут все получилось так просто...

— Я же тебя просила не выпускать кошку одну на улицу, — покачала головой мама. — Вот ты и лишилась своей Мурки.

Прошло несколько дней, и Маша принесла домой нового котеночка — черненького с белыми лапками. Девочка стала просить маму оставить его у них. Та опять согласилась.

И снова Маша была счастлива. Новая Мурка без устали играла с девочкой и спала на ее кровати.

Но все повторилось: прошли месяцы, и котенок превратился в большую кошку, которая уже не хотела играть с Машей. А когда девочка сильно приставала к ней, она залезала под стол и сердито мяукала.

— Ну зачем ты растешь? Я больше люю маленьких игривых котят! — как-то услышала мама разговор дочки с кошкой, но не придала ее словам значения.

Маша, не видя никакой перемены в характере черной Мурки, отнесла ее в соседний двор и отдала не-

знакомой девочке. А маме она рассказала печальную историю:

— Мурка так сильно мяукала у дверей, что я выпустила ее погулять по коридору. Но дверь во двор была открыта, и Мурка сразу куда-то помчалась. Догнать ее я не смогла.

Через несколько дней Маша принесла с улицы еще одного котенка. Он был рыженький и пушистый-препушистый. Мама невольно залюбовалась новой Муркой и строго наказала дочери беречь ее и не выпускать на улицу. Прошел год, и игривая Мурка превратилась в великолепную кошку, до того красивую, что приходящие соседи говорили: «Ну, эту красавицу — только на выставку».

Одну только Машу не радовала новая Мурка. Она совсем перестала играть с девочкой. Медленно и с гордо поднятой головой передвигалась кошка по дому. На Машу она смотрела, как царица на служанку. Мурка часто садилась перед зеркалом, любовалась собой и лениво шевелила хвостом. Маша разлюбила и эту кошку, но не знала, как поступить с ней, чтобы мама не догадалась о ее проделках.

Как-то в выходной день мама решила поехать с дочерью в лес за грибами. У Маши сразу возник план, как избавиться от рыжей Мурки, и она уговорила маму взять ее с собой.

В лесу девочка выпустила кошку. Очутившись среди травы и кустов, Мурка стала бегать и прыгать, гонясь за бабочками и стрекозами и не обращая никакого

внимания на хозяйку. Маша еще больше рассердилась на Мурку. Вдруг мама увидела, как дочь взяла кошку на руки и, оглянувшись по сторонам, побежала в сторону. Маме показалось подозрительным поведение дочери, и, вспомнив о странной пропаже двух кошек, она тихонько, прячась за деревьями, пошла за ними. Углубившись в лес, Маша посадила Мурку на землю и стала гнать от себя.

— Уходи, — сердито говорила она, — ты нехорошая Мурка. Ты выросла и совсем не играешь со мной. Зачем мне такая кошка? Оставайся в лесу. Пусть тебя кто-нибудь возьмет

Кошка не понимала, почему ее гонят, и пыталась приблизиться к девочке. Тогда Маша взяла хворостинку и стала ее бить. Мурка кинулась бежать и скрылась в кустах.

И тут мама вышла из-за засады. Маша стояла потрясенная, она поняла, что обман ее открылся.

— Послушай меня, дочка, — серьезно сказала мама. — Я догадывалась, как ты поступала со своими кошками. Ты не любила их, они тебе были нужны, пока играли с тобой. Когда же они подрастали, ты разными путями избавлялась от них. Последнюю же Мурку ты вообще решила оставить в лесу и даже била. А если бы я за все твои обманы и жестокость к кошкам отдала тебя чужим людям, а себе взяла маленькую девочку — добрую и послушную?

Маша бросилась к матери.

— Нет, нет, мама, не отдавай меня никому! Я все поняла! Я отыщу Мурку и никогда не расстанусь с ней!

И тут они услышали тихое мяуканье: из кустов к ним вышла Мурка.

Маша подбежала к кошке, взяла ее на руки и стала гладить.

Мурка продолжала мурлыкать и ластиться к девочке.

— Видишь, мама, — радостно сказала девочка, — Мурка меня простила! Прости и ты!

Странный «домовенок»

Когда Степановы переехали в новую квартиру, Нина сразу же захотела освятить ее. Олег (ее муж) не возражал: он всегда и во всем соглашался со своей супругой.

— Хоть завтра батюшку приглашай, — говорил он. — Пусть все сделает, как надо, если тебе будет спокойней. Главное, чтобы в доме были мир и уют.

Но потом начались трудовые будни: днем работа, а по вечерам мелкие, но очень важные дела, без которых новоселам не обойтись. Закрутилось-завертелось жизненное колесо, засосала их суета. Дни шли за днями, недели за неделями, а квартира так и оставалась неосвященной.

А потом Нина стала замечать: что-то в квартире не так, как раньше. То вдруг услышит какой-то странный шорох, то словно чьи-то крадущиеся шаги в коридоре, то неожиданный скрип двери в комнату ее дочурки Нади. А то вообще будто чей-то плач, смех или писк.

— Вам ничего не кажется необычным? — спросила она у мужа и дочери.

— Да нет, ничего особенного. А что?

— А мне уже несколько дней чудится, что у нас в доме кто-то посторонний. Будто домовый поселился:

не видно, но слышно, следов нет, но я все время чувствую его присутствие.

— Домовенок! Как здорово! — восхищенно воскликнула Надя. — Можно, я буду с ним дружить?

— Ничего в этом хорошего нет, и радоваться тут нечему, — строго взглянув на дочку, отрезала Нина. — Домовой — это нечистая сила, и никакого счастья он не приносит. Надо срочно приглашать батюшку.

Прошло еще несколько дней. Как-то вечером, неожиданно открыв дверь в Надину комнату, Нина замерла на пороге: прямо возле диванчика дочери стояло блюдечко с молоком.

— И что это такое? — удивленно спросила она.

— Это... это... — почему-то растерялась Надя, — это я приготовила молочко для нашего домовенка. А вдруг он голодный? А то рассердится на нас и натворит что-нибудь...

— Сейчас же прекрати говорить глупости. Пойди и вылей молоко! — возмутилась Нина.

— Ну, ма, ну, пожалуйста! Давай попробуем. Проверим, живет ли у нас домовенок или нет.

— Ладно, делай, как хочешь, — отмахнулась мама от Нади, закрывая дверь.

На следующее утро Нина на цыпочках, чтобы не разбудить дочку, вошла к Наде и остановилась, как вкопанная. Блюдечко, еще вечером до краев наполненное молоком, теперь было совершенно пустым и чистым, словно вылизанное языком. Шатаясь от неожиданной слабости, Нина пошла будить мужа.

— Мне кажется, я начинаю терять рассудок. Или завтра мы зовем батюшку, или послезавтра вы везете меня в сумасшедший дом!

Выбрали первый вариант.

— Батюшка, вы уж нас извините, что мы пригласили вас в такой спешке, — оправдывался Олег. — Дело в том, что моей жене постоянно мерещится, что в нашей квартире живет какая-то нечистая сила. А вчера мы получили и материальное подтверждение: у нас действительно завелся домовой!

Священник приступил к своим обязанностям. Он переходил из комнаты в комнату, произнося необходимые молитвы и окропляя углы святой водой, а Нина следовала за ним с иконой в руках, готовая исполнить любое требование батюшки.

Они открыли дверь в комнату Нади и... в тот же миг какой-то маленький беленький пушистый комочек, уютно лежавший у девочки на коленях, быстро соскочил на пол и тут же исчез под Надиным диваном. Батюшка покачал головой.

— Ну что, хозяйюшка, залезай под диван, доставай невидимую силу на свет Божий, а мы на нее поглядим, — обратился он к девочке.

И вот, виновато опустив голову, стоит Надя перед батюшкой и остолбеневшими родителями, прижимая к груди маленького котенка: белого, пушистого, с розовым носиком, огромными желто-зелеными глазами и симпатичным черным пятнышком прямо посередине лба.

— Да как ты могла, как ты посмела, маленькая врунья! — наконец обретя дар речи, набросилась на дочку Нина. — Ты меня чуть с ума не свела! Принесла в дом котенка и ничего никому не сказала! А я-то вся измучилась, места себе не находила, вообразила Бог весть что!

Мамины слова сыпались, как искры от костра, и обжигали, как раскаленные угли.

— Мама, мамочка, прости меня! Я нашла этого котеночка в подъезде. Мальчишки издевались над ним, дергали за хвостик и лапки, выкручивали ему ушки, а потом бросили прямо на холодном подоконнике. Он был совсем-совсем крохотный и такой несчастный... дрожал от страха, боли и холода. Если бы я не взяла его с собой, он бы умер, умер... — и девочка громко расплакалась.

— Но почему же ты нам ничего не сказала, партизанка ты эдакая? — не могла успокоиться мама.

— Я так боялась, что вы не разрешите. Я хотела... хотела вас понемногу подготовить. А потом ты заговорила о домовенке, вот я решила...

— Решила меня до помешательства довести? — не унималась Нина. — Немедленно уноси его из дома, чтобы через минуту и духу его здесь не было!

Девочка зарыдала еще сильнее.

— Тише, тише, подождите, — разрядил накалившуюся до предела обстановку батюшка, осенив всех крестом.

— А теперь послушайте меня. Котенок — не домовенок. Это тварь Божия.

Он взял котика из рук девочки.

— Кстати, как ты его назвала?

— Пушком, — все еще всхлипывая, робко ответила Надя. — Видите, какой он беленький и пушистенький!

— Пушок — это хорошо, Пушок — это замечательно, — ласково повторял батюшка, внимательно разглядывая котенка. — Только в таком случае правильнее будет — Пушинка. Потому что это не котенок, а кошечка. Уж я-то точно знаю, у меня самого в доме живут две кошки и кот в придачу. И, между прочим, никогда не ссорятся. Так что благословляю ваш дом вместе со всеми, кто в нем, — весело подытожил он.

— Как же все-таки быть, батюшка? — спросила Нина, когда дверь в Надину комнату была плотно закрыта. — Я не могу потакать дочкиному своеволию. Во-первых, это был обман, а во-вторых, она просто сделала из меня посмешище.

— Ваша дочь ничего подобного не хотела, ведь она еще совсем ребенок. Хорошо, что вы воспитываете ее в строгости и послушании. Но поверьте, ее обман не от лукавства, а от доброты души, от желания спасти незащищенное существо. Значит, у нее в сердце есть Бог. Поэтому оставьте все как есть и живите с миром.

Батюшка попрощался и ушел. Поколебавшись еще чуть-чуть, Нина вошла в комнату дочери. Та неподвижно сидела на диване с маленьким пушистым комочком на коленях, все еще всхлипывая и шмыгая носом. Мамино сердце совсем оттаяло.

— Ну и как тут наша киса... Алиса? — вдруг неожиданно вырвалось у нее.

— Мама, мамочка! Как ты замечательно придумала! Киса Алиса! Так ты разрешаешь оставить ее у нас?

— Пусть уж живет, раз батюшка благословил. Только обещай мне, что больше никогда не будешь обманывать, даже по мелочам.

Девочка бросилась к маме и стала обнимать и целовать ее. А киса Алиса, свернувшись клубочком на диване, довольно замурлыкала.

Паўчицэ по прозвішчү Дабл-Ю

— Ну вот, опять он за свое, — огорченно говорила бабушке мама, кивая головой в сторону Кирюшиной комнаты. — Не успел прийти из школы, пообедать, сделать уроки, а уже засел за свой компьютер и «гуляет» по Интернету. Потом опять начнутся стрелялки, ужастики и прочая дребедень.

И уж сколько я его упрашивала, сколько с ним ругалась, даже грозилась компьютер выбросить, но все без толку. Книжки давно забросил! А у нас вон какая детская библиотека, по крупичкам, можно сказать, собирали. На свежем воздухе не бывает, в парк наш любимый его теперь не затащить...

Просто не знаю, что и делать. Не Интернет, а отравка, наркотик какой-то! — Мама тяжело вздохнула. — И зачем мы только компьютер этот купили?! Все вокруг твердят: в школу пошел, нужно развивать. Вот и развивались, скоро нас с тобой узнавать перестанет...

Мама снова вздохнула.

— Слушай, пап, а может, ты попробуешь с внуком поговорить? Вдруг у тебя получится, а то я уже все мыслимые и немыслимые доводы давно исчерпала...

— Может, и попробую, — как-то по-мальчишески задорно ответил дедушка. — Может, и получится... С Божьей помощью.

Дедушка, не спеша, вошел в комнату внука с ведром и шваброй. Там он огляделся по сторонам, прищурился и неожиданно спросил внука:

— Кирюш, а ты давно в своей комнате генеральной уборкой занимался?

— А чего это ты вдруг спрашиваешь? — не отрываясь от экрана, вопросом на вопрос ответил мальчик. — Сам знаешь, мама у меня всегда убирает.

— Мама-то мама, да только маме до потолка не дотянуться, даже шваброй...

— Не понимаю, к чему ты клонишь, дед. — Кирюша по-прежнему сидел, уставившись в экран. — Потолок как потолок. Чего ты к нему прицепился?

— Да ты отвлекись хоть на секунду и посмотри, — ласково, но твердо настаивал дедушка.

— Ну и что ты там узрел на потолке? — иронично осведомился Кирюша, соизволивший наконец поднять глаза от монитора.

— Да-а, ничего ж себе дела, — присвистнул он. — Паутина-то какая, по всему потолку разрослась, и мушек-то, мушек в ней сколько! А паук-то, погляди, какой громадный, мохнатый, доволен, небось, что столько пленников и пленниц к нему попало. Надо срочно швабру взять и все это безобразие ликвидировать.

— Вот и я говорю, — продолжил гнуть свою линию дедушка, — сидишь ты здесь целыми днями, как пленник, и дальше своей стекляшки ничего не видишь. А задумывался ли ты, кем стал и где сидишь?

— Как это где? Ну ты, дед, даешь! В Интернете, конечно!

— Но ты же знаешь, что означает Интернет в переводе на русский? — настаивал дед.

— Да это каждый младенец знает, — пожал плечами Кирюша. — Всемирная Сеть.

— А другое название ты, надеюсь, тоже помнишь?

— Дед, ну что ты, как маленький... Или издеваешься? — возмутился внук. — Всемирная Паутина.

— Вот-вот, и я о том же. Всемирная Паутина, — с горечью повторил дедушка. — И соткал ее гигантский паучище по прозвищу...

— Знаю-знаю, — перебил деда Кирюша. Он почему-то вдруг почувствовал некое беспокойство, у него от волнения даже ладошки вспотели. — Паучище по прозвищу Дабл-Ю, Дабл-Ю, Дабл-Ю!

— Так точно, мой самый разумный внук, — с печальной усмешкой согласился дедушка. — Раньше ведь какие были злодеи: Бармалеи, Карабасы-Барабасы и всякие прочие Урфины Джюсы. А теперь на дворе XXI век, и вот послушайте, как звучит: Дабл-Ю!

— Дед, а ведь ты прав. Я раньше об этом почему-то не думал...

— Слава Богу, сейчас призадумался. Потому что этот паучище гораздо страшнее и опаснее нашего комнатного паучка, пусть даже жирного и мохнатого. Невозможно сосчитать, сколько пленников и пленниц затащил он в свою невидимую, но крепкую паутину и растянул ее по всему миру.

Он лишил их собственной воли, лишил реальности, а многих — сердца и разума. Ибо разве разумен тот, кто не может отличить настоящий мир от виртуального, кто уже не любит ни людей, ни тварей земных, ни прекрасных деревьев и цветов вокруг?..

— Что же делать, дедушка? Я точно знаю, что настоящим мушкам из паутины уже не выбраться ни за что на свете. А нам? А... мне? Мне тоже уже не выбраться? — встревожился Кирюша.

— К счастью, это не так. Мы — Божьи дети, причем его любимые дети, созданные по Его образу и подобию, хотя порой мы своевольны, глупы и не очень послушны. Но Господь, как мудрый и любящий отец, подарил нам не только разум и сердце, но и свободу воли и выбора.

— Ты хочешь сказать, что если я проявлю свою волю, то перестану быть мушкой в сетях этого жуткого Дабл-Ю?

— Конечно, мой мальчик. Только ты должен сделать это сам. Обдумай все как следует. Ведь, как я уже сказал раньше, ты у меня самый разумный внук...

Прошло несколько дней. Как-то вечером мама сидела на диване, глубоко задумавшись, и не слышала тихих шагов сына.

— Мам, а давай ты мне что-нибудь перед сном прочитаешь? Ты ведь так давно мне не читала. А завтра вместе с дедушкой пойдем в парк и навестим наш старый пруд. Ты же знаешь, я так люблю уточек кормить!..

ГДЕ ТЫ, СОЛОВУШКА?

После дождика Миша вышел в сад.

А там — как в сказке! Все расцвело и благоухало, а где-то высоко разливались трели соловья. Малыш слушал, замирая, и даже прошептал, боясь спугнуть певца:

— Здравствуй, соловушка.

Разглядеть маленькую птичку в густой кроне ему не удавалось. Только было заметно, как она быстро перелетала с дерева на дерево и исчезала в густой листве. Но ее трели разносились окрест, даря радость и умиротворение.

А еще Миша вдруг открыл, что на траве сверкает роса, словно сотни маленьких солнышек, переливаясь всеми цветами радуги.

— Так красиво, наверное, в раю, — подумалось мальчугану.

В этот момент сосед по даче вышел покурить. Ему не хватало городского дыма и грохота, поэтому он «врубил» то, что считал музыкой — не то магнитофон, не то газонокосилку. Перепуганный соловушка тут же куда-то улетел. Роса испарилась, и маленькие солнышки больше не искрились.

А вечером сосед опрыскал деревья какой-то химией, и соловушка больше уже не прилетал.

Где ты теперь?

Лучший подарок

Оленька сидела на автобусной остановке, болтала своими пухленькими ножками и глубоко вздыхала.

— Ну вот, опять скоро мой день рождения, а никакой радости, — думала девочка. — Эти взрослые все такие непонятливые, такие предсказуемые! Снова завалят ненужными подарками.

Тетя Света как обычно принесет куклу Машу или куклу Дашу, дядя Игорь — очередного плюшевого зайчика или медвежонка, даже бабушка, и та ничего лучше не придумает, чем «Сказка о Золотом Петушке» или «Приключения Чиполлино». А ведь я уже совсем большая девочка — в этом году в школу пойду. Я даже к бабушке на автобусе одна езжу, и в садик меня за ручку не водят.

Неужели они не понимают, что мне так хочется иметь собственный мобильничек! Не нужен дорогой, навороченный, как у Аленки из нашей группы. Она из себя прямо принцессу строит, когда по нему разговаривает, так уж воображает! И, конечно, все вокруг ей завидуют, даже воспитательницы... Мне бы самый простенький, чтобы я могла маме и бабушке позвонить, узнать, как дела, рассказать, чем сейчас занимаюсь. А потом, когда все буквы выучу, я бы им эсэмэски посылала...

Да уж где там! Я однажды бабушке заикнулась, так она меня на смех подняла, сказала, что у нее мобильник появился, когда ей пятьдесят стукнуло. То же мне, сравнила...

На скамейку возле Оленьки опустилась девочка чуть постарше ее и, как назло, с мобильником возле уха. Щебечет что-то в трубку, хихикает, на Олю — ноль внимания.

Оленька демонстративно отвернулась и снова глубоко вздохнула:

— Надо же, еще одна воображала... Ну почему, почему никто не догадывается, что для меня единственный мобильник в сто раз лучше, чем все мое кукольное царство и плюшевый зверинец в придачу!

Оля от досады даже губку прикусила. Тут подошел автобус, ее случайная соседка вспорхнула со скамейки, как бабочка, и была такова. Оленька повернула голову к тому месту, где только что сидела девочка, и... Что это? Неужели не сон? На скамейке сиротливо лежал забытый мобильник!

— Вот растяпа! — промелькнуло у девчушки в голове. — Как же можно такую вещь потерять? Он, наверное, у нее из карманчика выпал, когда она к автобусу побежала. И что же мне теперь с ним делать?

Оля огляделась по сторонам и, никого не заметив, быстренько схватила мобильник. Он был совершенно новым: маленький, розовый, весь сверкающий на солнце, раскладной с окошечком, в котором видно,

кто тебе звонит, — точь-в-точь такой, о каком мечтала девочка.

— Оставь его себе, оставь себе, — вдруг словно зашептал Оленьке чей-то голос. — Девчонка сама виновата, в следующий раз не будет растеряхой! А тебе такой неожиданный подарок, такая радость прямо с неба свалилась!

Девочка крепко-крепко сжала мобильник в своей маленькой ручке.

— Никто ничего не узнает, — продолжал уговаривать голос. — Надо только все записи стереть, и он будет твой, только твой!

Девочка еще крепче сжала мобильник. И тут ей вспомнились бабушкины слова:

— Деточка моя! Когда ты делаешь что-нибудь доброе, хорошее, твой Ангел, который всегда за твоим правым плечом, радуется и веселится вместе с тобой.

А когда ты поступаешь плохо, он горюет и даже плачет. Слушай свое сердечко, и ты всегда будешь чувствовать своего Ангела...

— Я так долго мечтала иметь собственный мобильник, а разве мне сейчас радостно? Разве я по-настоящему счастлива? — спросила у себя Оленька. — Нет, наоборот, мне почему-то грустно и девочку очень жалко. Я знаю, как ей сейчас плохо, как она расстраивается, даже плачет, наверное... Что же мне делать?

И тут мобильник зазвонил. В окошечке высветилось слово «Мама».

Ни секунды не раздумывая, девочка раскрыла телефон.

— Алло, Мариночка, солнышко, куда же ты пропала? Мы тебя жаждали уже, волнуемся...

— Здравствуйте, — ответила Оленька. — Это не Марина, это другая девочка. Ваша дочка потеряла свой мобильник, а я его нашла, да только не знала, как вам вернуть. Хорошо, что вы сами позвонили...

Через час «операция» по возвращению мобильного была завершена ко всеобщему удовольствию.

Оленька ехала домой, прижимая к груди большой пакет, в котором чего только не было: и яблоки, и виноград, и ее самый любимый сок «Экзотик», и две огромные шоколадки, и еще что-то, и еще...

Дорога не казалась долгой и скучной, ведь на душе у нее было радостно и светло.

— Это мой Ангел веселится вместе со мной, — думала девочка. Она абсолютно точно знала, что сегодня сделала самой себе первый в жизни настоящий подарок. Лучший подарок...

Как Петя полюбил читать

Дедушка присел на крыльцо и подозвал внука. Петя, заметив у деда в руках книжку, насторожился. Неужели опять читать учиться? Он уже пробовал с папой. И что? Буквы легко запомнились, а вот составлять из них слова... А как раздражался папа!

— И в кого ты такой тупой? Да я в твои годы...

В конце концов папа махнул рукой, и попытка заставить Петю постигнуть тайну слов на том и закончилась.

Но вот теперь до него добирается дедушка. Опять жди обидных слов, насмешек...

Внук неохотно подошел к крыльцу, как приговоренный к казни.

Дедушка приветливо усадил его рядом и начал:

*Скачет сито по полям,
А корыто по лугам.*

Дедушка старается, читает, а внук головой вертит — ему ничего не понятно. Что за слова такие?

Перед крыльцом — деревенский двор, в нем чего только нет. Тут дедушка, сняв с забора какую-то странную штуку, показал ее Пете:

— Смотри, это и есть сито. В нем маленькие дырочки. Через сито муку просеивают, чтобы случайно в пирожок камешки не попали. Баба Федора поленилась помыть его, а запачканное сито обиделось на Федору-грязнулю и убежало в поле.

Скачет сито по полям...

— Видишь поле?

Дедушка кивнул в ту сторону, где было поле, а сам при слове «скачет» так резво подпрыгнул, что Пете все это показалось очень забавным.

Чуть не запрыгнув в большую деревянную посудину, дедушка продолжал:

А корыто по лугам.

— Вон там луг, где коровушки пасутся. Так корыто туда от ленивой Федоры удрало. Понял?

Внук радостно кивнул головой. В сарае чего только не нашлось!

*За лопатую метла
Вдоль по улице пошла.
Топоры-то, топоры
Так и сыплются с горы.*

Все закувыркалось перед взором внука. Потом дедушка превратился в изумленную козочку:

*Испугалась коза,
Растопырила глаза:
«Что такое? Почему?
Ничего я не пойму».*

В ход пошло все, что оказалось в хозяйстве: и кочегра, и кастрюли, и тарелки. При их названии перед Петей вспыхивал мысленный экран, и на нем от него удирали ножи, чайники, стаканы... Дедушка порой сам перепрыгивал через лужу.

*Утюги бегут, побрякивают.
Через лужи, через лужи
Перескакивают.
А за ними блюдца, блюдца —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
Вдоль по улице несутся —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!*

Внук удивленно наблюдал за превращением солидного дедушки в курочку...

*Мимо курица бежала
И посуду увидала...*

Дедушка смешно захлопал руками, как крыльями, сделал удивленные глаза и широко открыл рот:

*«Куд-куда! Куд-куда!
Вы откуда и куда?».*

Вдруг звучный баритон дедушки зазвучал тоненьким жалобным голосочком:

*И ответила посуда:
«Было нам у бабы худо.
Не любила нас она,
Била, била нас она».
«Ко-ко-ко! Ко-ко-ко!
Жить вам было нелегко!»*

Для Пети это зрелище было лучше всяких голливудских мультиков, потому что оно творилось на его глазах и вместе с ним.

Бедный дедушка устал и присел отдохнуть, но не тут-то было. Внук протянул книгу:

— Читай еще!

И напрасно дедуля просил пощады — маленького перерыва. Петя, переждав несколько секунд, снова стал просить:

— Ну, почитай, почитай!

Дедушка почитал еще. Теперь ему не приходилось ни скакать, ни прыгать, потому что внук замер. Что с ним происходило? Наверное, он уже сам видел то, что возникало в голове автора книжки — дедушки Чуковского, когда он создавал эти замечательные строки-кадры. Петя испытывал неведомый ему восторг сотворчества, создавая собственный фильм.

Бабушка позвала их к столу, а Петя, переполненный впечатлениями, все повторял:

*Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
«Куд-куда! Куд-куда!
Вы откуда и куда?».*

Завершив завтрак, внук, взяв свою тарелку и ложку, пошел их мыть, а потом разыскал деда и попросил:

— Почитай еще!

Дедушка, посадив внука на колени, взял книжку:

— Давай вместе. Ну, смелей, смелей... Какие первые три буквы в этом слове?

Петя назвал.

— А следующие три? И что получится, если их вместе произнести?

— Ска-чет.

— Правильно, умница, — подсказывал и подбадривал дедушка, вовлекая своего любимца в «искусство» открывать смысл и создавать из загадочных значков живые картинки.

Бабушка зачем-то позвала дедушку, а внук остался сидеть с книжкой, внимательно вглядываясь в нее и шевеля губами. А потом...

Потом Петя полюбил читать.

Бабушкина внучка

Наша деревня славилась небольшим фарфоровым заводиком, основанным еще при Петре Первом. Выпускали там недорогие сервизы. Но особенно привлекали всех фарфоровые кружки, которые расписывала моя бабушка. Цветы у нее получались как живые, и кружки были так хороши, что от покупателей отбоя не было, приезжали не только из близлежащих деревень, но даже из города.

Фамилия у моей бабули Бабушкина. Так и ее изделия назывались Бабушкины кружки. Я тоже, как и она, Бабушкина. Из-за этой фамилии в детстве у меня много забавных случаев было. Спросят меня:

— А ты чья, девочка?

— Бабушкина Катя, — отвечаю.

Люди начинали смеяться. А некоторые даже выговаривали:

— Такая большая девочка, а фамилии своей не знаешь. Все бабушкина, да бабушкина.

Бабуля меня очень любила и, чтобы не расставаться надолго, вместо детского сада (он в соседней деревне был) брала с собой на работу в художественный цех. Посадит меня где-нибудь в уголке, я и рисую.

Сначала все цветы с кружечек срисовывала, а потом сама стала придумывать. Рисовала и картины разные. А когда я выросла, взялась бабушка учить меня кружки расписывать, секреты свои раскрывала.

Перед окончанием школы зашел как-то в цех директор завода Михаил Павлович, посмотрел на мои рисунки на кружках, да и говорит:

— А что, Ивановна, у твоей внучки — талант. Давай будем оформлять ее в художественное училище, которое ты сама закончила. Деньги на учение и стипендию завод даст, но с условием, чтобы после окончания сюда вернулась.

На том и порешили.

Провожая меня, бабушка наказывала во всем полагаться на волю Божию.

— Мы, Бабушкины, — с гордостью говорила она, — даже в трудные времена Бога не забывали.

Поехала я в город и поступила в художественное училище. Как я старалась! Ни одной минуточки зря не тратила: ни в кино, ни на танцы не бегала. Только рисовала и рисовала, да Богу молилась, чтобы силу и умение мои приумножил. А в субботу к бабушке ездила, подарки ей привозила, по дому старалась помочь.

Каждый год к нам приезжала из Москвы комиссия и рекомендовала одного-двух учеников из выпускного класса для продолжения учебы в Художественной академии. А к нашему выпуску приехал сам академик Павел Александрович. Такой переполох под-

нялся! Навели идеальный порядок, выставили наши творения.

Ходил академик вдоль стен, быстро так ходил, рисунки рассматривал. Возле моих остановился, долго смотрел. Я перепугалась, стояла ни жива ни мертва. Он, видно, заметил это и спросил:

— А ты чья будешь, кроха?

Маленькая я тогда была, никак вырасти не могла, хотя по совету подружек даже специальную зарядку делала.

Я и ответила:

— Бабушкина я, Катя.

Академик усмехнулся:

— А, может быть, ты, бабушкина внучка, фамилию мне свою назовешь?

Я совсем растерялась:

— Бабушкина — это моя фамилия и есть, — про-
бормотала я.

Он давай хохотать:

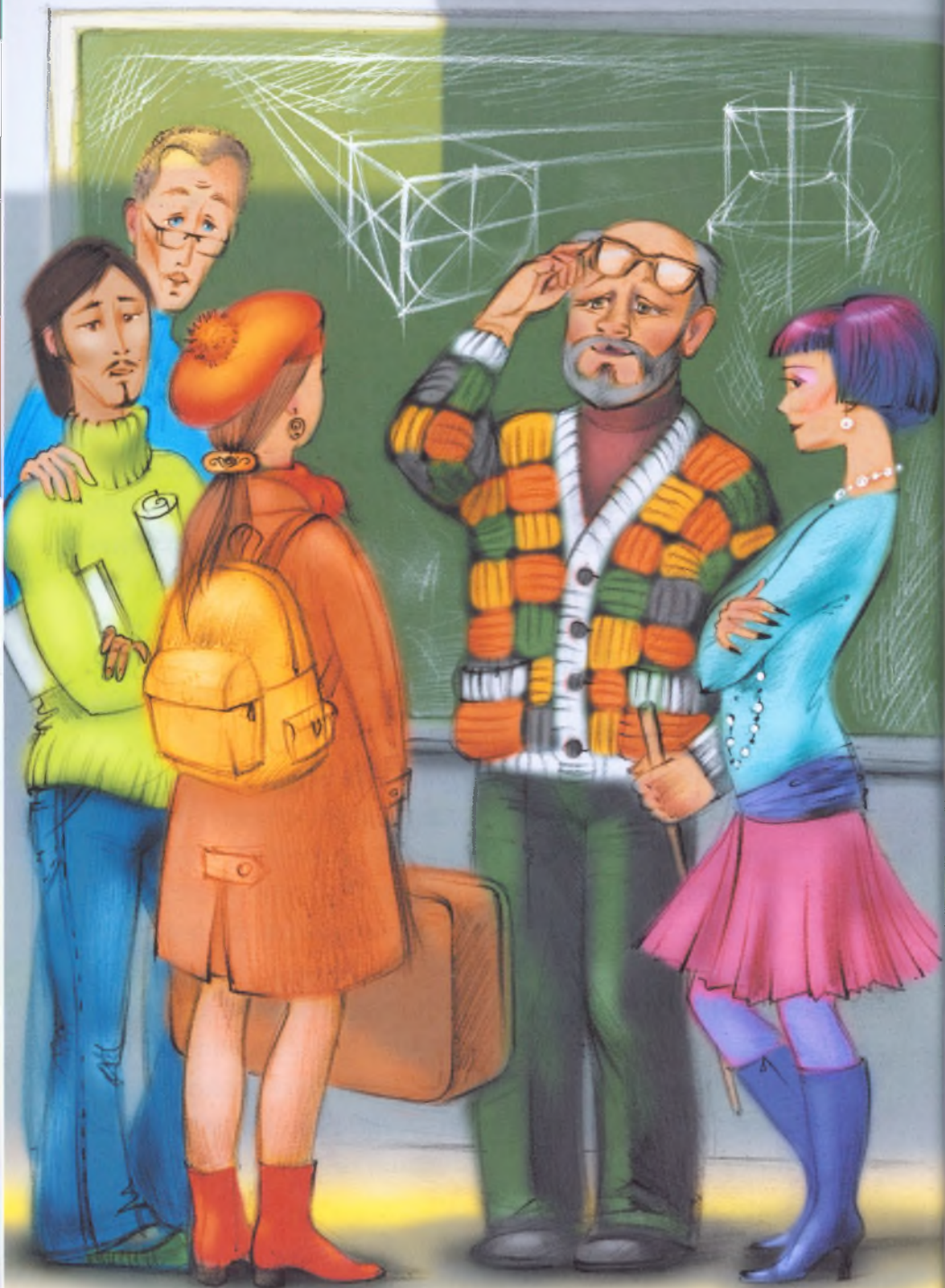
— Ну, — говорит, — бабушкина внучка, забираю я тебя в Академию. Будешь дальше учиться. Что-то в твоих рисунках есть.

И, посмотрев на меня, добавил:

— Поедешь на бесплатное обучение, и стипендию тебе определим.

Я сначала обрадовалась, а потом вспомнила: «Как же бабушка без меня?».

— Спасибо, Павел Александрович, — говорю. — Век за вас буду Бога молить! Только поехать в Москву я не могу.

— Это еще почему? — нахмурился он.

— Бабушка у меня совсем старенькая, — ответила я. — Может умереть без меня.

— Неужели родители не присмотрят? А если что случится — домой съездишь, — уже несколько раздраженно сказал Павел Александрович.

— Умерли мои родители... А бабушка с двух лет меня воспитывала. Не могу я ее одну оставить.

Он задумался, положил мне руку на голову и сказал одобрительно:

— Ну, если так, бабушкина внучка, то ты правильно решила. Молодец. Однако разговор наш остается в силе. Если у тебя что-то переменится в жизни, приезжай. Возьму в свою студию. А это сохрани, чтоб ты знала, как меня найти, — и он протянул мне визитную карточку.

Вернулась я домой и устроилась в том же цехе, где бабушка столько лет проработала. Через два года бабушка умерла, и с разрешения директора поехала я в Москву и прямо с чемоданом пришла в Художественную академию.

Павел Александрович стоял возле доски, окруженный учениками. Я протиснулась сквозь толпу и громко сказала:

— Здравствуйте, Павел Александрович! Вот я и приехала.

Он с удивлением посмотрел на меня, потом на мой чемодан:

— Вижу, что приехала. А мы что, с тобой договаривались?

— Забыли вы меня, — огорчилась я и протянула ему визитку. — Бабушкина я, Катя.

Он, как и при первой встрече, сразу захохотал:

— Молодец, что приехала! Так ведь не узнать тебя! Выросла-то как, и похорошела. А как твоя бабушка?

— Она умерла, — вздохнула я.

— Царство ей Небесное, — сказал он, перекрестившись. А потом обратился к ученикам. — Поднимите руки, у кого есть свободное место в общежитии.

Руки подняли три девушки и даже несколько парней. Он опять засмеялся. Выбрал одну из учениц, серьезную такую, Варей звать:

— Забирай Екатерину и присматривай за ней, чтобы не потерялась, пока к Москве не привыкнет.

Так я стала студенткой. А когда закончила учебу, оставил меня Павел Александрович в своей студии преподавателем. Вот и работаю я с ним уже долгие годы, а как назовет он меня бабушкиной внучкой, на душе так хорошо становится!

ЧУДЕСНАЯ-РАСЧУДЕСНАЯ

Очень любила Танюша приходить в гости к бабушке на выходные. Та была еще не старенькая, а даже очень молодая и современная. Целую неделю она работала научным сотрудником в каком-то академическом институте. Зато в пятницу бабуля всегда забирала Таню из детского сада, и они весело шли к ней домой.

Танюша знала, что в субботу непременно будут вкусняющие бабушкины блинчики или пирожки, перед сном бабушка обязательно возьмет в руки свою любимую икону, трижды перекрестит ею внучку, почитает красивую, но не очень понятную молитву, а затем, конечно, расскажет какую-нибудь увлекательную историю или сказку. Потом Танюша заснет крепко-крепко, сладко-сладко.

Нравилась Танюше и бабушкина квартира. Правда, там не делали евроремонта, как у них дома, но зато вся мебель была особенная, антикварная, и даже швейная машинка совсем древняя, намного старше бабушки, папы, мамы и самой Танюши вместе взятых.

Но самым замечательным в бабушкиной комнате было обилие разных икон. Танюша уже знала от бабушки, что это лики Иисуса Христа, Богородицы, святых мучеников и праведников, прославившихся во имя Бога. Перед самой любимой бабушкиной ико-

ной старца с трудным-претрудным именем Серафим Саровский всегда горела лампада.

— Бабушка, — спросила однажды Танюша, — а почему край иконы такой черный и будто оплавленный? Ты что, свечку близко поставила, и она загорелась? Тогда отнеси ее в мастерскую — и она станет как новенькая. Другие вон какие золотистые и нарядные! А ты еще говоришь, что она для тебя дороже всего на свете.

— А знаешь ли ты, внученька, что это за икона и чья она? Это ведь наше сокровище, наша семейная реликвия, наша с тобой история.

— Расскажи, расскажи, бабуленька, — принялась упрасивать Танюша.

— Ну так знай, мой прадедушка, а значит, твой прапрадедушка, был священником. И было у него, хочешь верь, хочешь не верь, целых двенадцать детей. Самую младшую и любимую звали Танюшей, как и тебя.

— Это ты мне про свою бабушку Таню рассказываешь? — перебила Танюша.

— Правильно. Помнишь, я показывала тебе ее фотографию, и мы решили, что ты даже на нее похожа? Ну так вот. Заболела как-то Танечка ужасной болезнью — тифом. В то время лекарств современных не было, лечили народными средствами, а они были почти бессильны перед этим недугом, и многие-многие от него умирали, особенно малые детки. И вот лежит Танечка в своей кровати, горячая-горячая, мечется и

лепечет что-то в беспамятстве, а доктор только руками разводит: мол, медицина здесь бессильна.

День проходит, другой, третий, а девочке все хуже и хуже, и надежды на выздоровление уже почти нет. Все ночи напролет по очереди мать с отцом дежурили у Танечкиной постели, обтирали ее пылающее тельце, клали лед на раскаленную головку, а девочка продолжала угасать.

Снова пришел доктор, осмотрел девчушку, покачал головой и сказал родителям страшные слова: «Боюсь, что ваша дочь не доживет до утра. Мужайтесь и молитесь за нее...».

Горько зарыдала мать и упала на кресло без сил. А твой прапрапрадедушка достал из красного угла икону старца Серафима, которая когда-то была освящена на нетленных мощах самого великого Чудотворца...

— Вот эту самую икону? — с волнением спросила Танюша. — А почему ты называешь старца чудотворцем?

— Не я так называю, а весь православный народ. Старец Серафим при жизни чудеса творил, людей спасал и на путь праведный наставлял. А когда преставился, умер, значит, был за свои духовные подвиги причислен Православной Церковью к лику святых. Перед кончиной он обещал с небес помогать всем, кто будет к нему обращаться с чистым сердцем и добрыми помыслами...

Так вот, взял твой прапрапрадедушка икону и поставил прямо у Танечкиного изголовья. Зажег свечку, пал на колени и начал истово молиться, взывать к

Серафиму, чтобы тот упросил Господа не забирать у него любимую дочурку.

Сколько времени прошло, он не помнил, только вдруг словно туман окутал всю комнату, и сознание у него помутилось. И вот слышит он голос, не то в голове, не то рядом с собой, но слышит явственно и отчетливо. И говорит ему этот же голос: «Дошла до Господа искренняя молитва твоя. Возрадуйся же: милостив к тебе Господь, будет долго-долго жить твоя дочь!».

Очнулся он, полный сил, будто и не было бесконечного бессонного бдения возле умирающего ребенка. Видит: дочка уже не мечется по постельке, а мирно-мирно спит и даже улыбается чему-то во сне. Глянул на икону: свечка погасла, а краешек иконы весь почернел и опалился от пламени. Зарыдал твой прапрапрадедушка, как малое дитя, от счастья и благодарности за свершившееся чудо. Твоя прабабушка прожила, между прочим, больше девяноста лет. А ты еще спрашиваешь, почему Чудотворец!

— Бабуленька, а можно, и я буду молиться дедушке Серафиму? — с замиранием спросила потрясенная рассказом Танюша.

— Конечно, моя дорогая внученька! А когда ты вырастешь, я обязательно передам икону тебе, чтобы эта реликвия всегда пребывала в нашей семье. Хорошо?

— Спасибо тебе, моя любимая! А знаешь, что я подумала? Не надо относить ее в мастерскую. Ведь она и так самая чудесная-расчудесная!

Мама возвращалась домой...

Усталая, в мрачном настроении мама возвращалась с работы. Она представляла, что ожидает ее дома: гора немытой посуды, пустые кастрюли, беспорядок, невыполненные домашние задания детей. Скорее всего, они носятся где-то на улице, и им в голову не придет, что сегодня за день.

О нем не пишут в газетах, не говорят по телевизору. Кому какое дело, что когда-то на белом свете появилась я... Мир существовал и до моего рождения, будет и после меня.

— Ох... — вздохнула она. — Вечно мне чего-то хочется... Впрочем, можно было и купить торт. Ладно, обойдемся, — решила она, распахнув дверь.

И тут на нее обрушился шквал голосов:

— Поздравляем! Поздравляем! Поздравляем!

Прихожая была полна детей, их родителей, как когда-то на утренниках, которые она устраивала для детворы на Рождество. Только сегодня все с цветами, подарками... А свои повисли на шее, обнимая и целуя:

— Мамочка, любимая... Мамочка, пойдем скорее сюда!

Они отобрали у нее сумки, подхватили под руки и потащили ее к столу.

Комнату было не узнать: вся в гирляндах, звездочках, разноцветных шариках, ангелочках. Стол застав-

лен сладостями, фруктами, а посередине возвышается громадный торт.

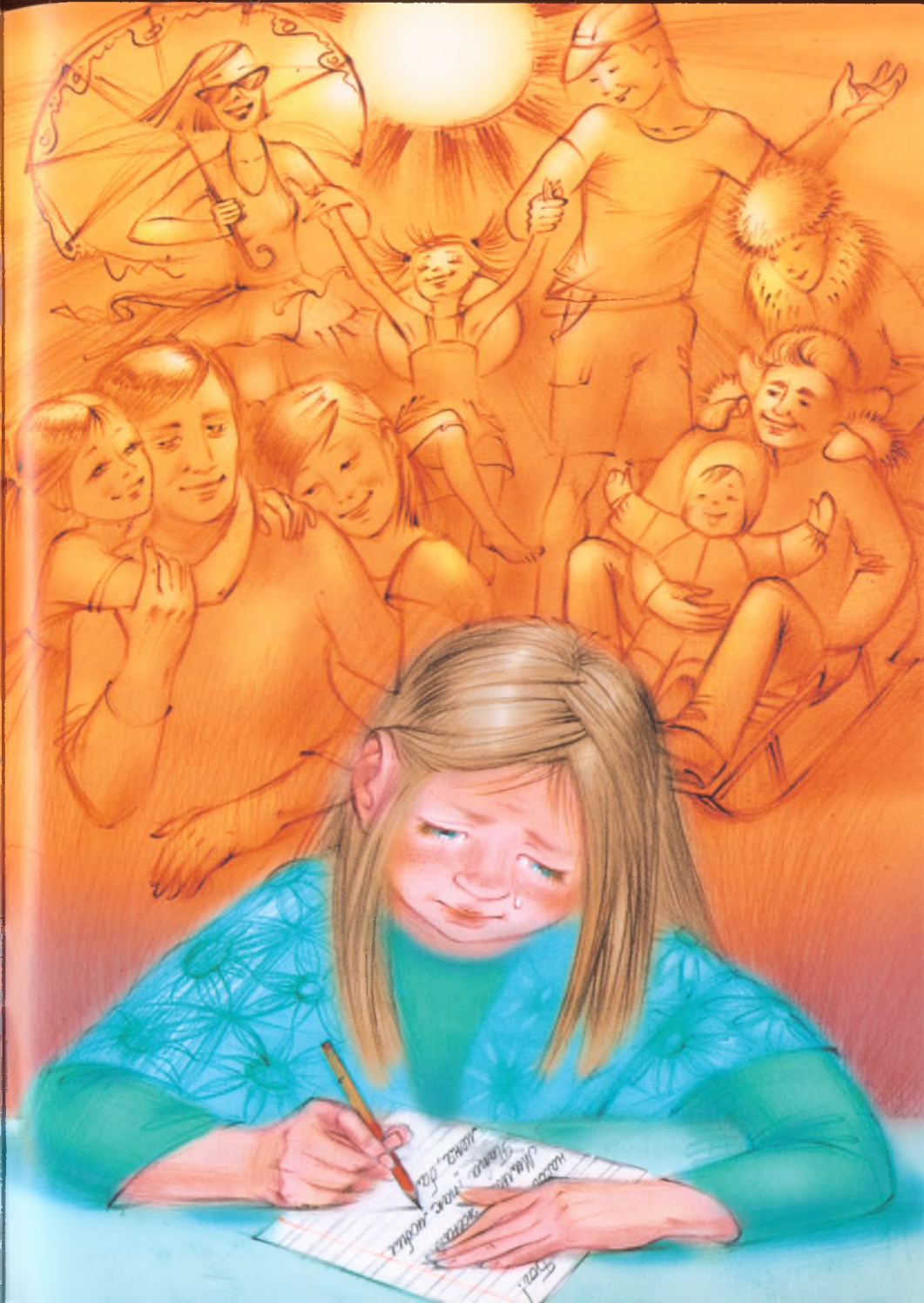
Мама потеряла дар речи. Только слезы струились по ее щекам.

— Мамочка, мамочка, если б ты знала, как мы тебя любим!

Письмо дедушке Богу

Катя долго ждала момента, когда останется одна. И как только мама ушла на ночное дежурство, она сразу же села за письменный стол, достала давно приготовленную чистую бумагу и принялась очень медленно и старательно выводить букву за буквой, шепча про себя слова и боясь что-нибудь напутать: «Дорогой дедушка Бог! Прости, что отрываю Тебя от Твоих важных дел, но мне больше не к кому обратиться за помощью и рассказать о своем горе. В прошлое воскресенье я случайно услышала, как папа сказал маме, что уходит от нас насовсем, потому что у него появилась другая тетя и теперь она будет его новой женой. Мама заплакала, а папа взял чемодан и, даже не попрощавшись со мной, хлопнул дверью и ушел. И с тех пор я больше его не видела».

Большая-пребольшая слеза упала прямо на белый лист, потом еще и еще одна, но Катя их даже не заметила и продолжала писать: «Милый Боженька! Папа так любил меня, баловал, целовал, называл меня зайка, солнышко, лапочка и даже моя принцесса! Знаешь, он всегда находил время, чтобы побыть со мной, забирал меня из детского сада, играл в разные смешные игры и пел мне забавные песенки. Это он научил меня рисовать, читать и писать раньше всех детей в нашей группе и так гордился мною. По выходным мы все вместе ходили в цирк или в парк кататься на карусели,

а потом ели разноцветное мороженое в детском кафе «Белочка», и мама все время смеялась и становилась такая красивая, как тетя диктор в телевизоре.

А сейчас она все плачет и плачет, а потом смотрит в зеркало, не появились ли у нее новые морщинки от слез. Конечно, я буду любить ее даже с морщинками, но мне так хочется, чтобы она оставалась молодой и красивой, лучше тети в телевизоре и той, к которой ушел папа...».

Катя очень устала. Она раньше никогда не писала так много, но боялась: вдруг мама придет и увидит ее письмо. Нет, этого нельзя допустить! Девочка собралась с силами и продолжила: «Неужели он не понимает, что мне очень больно и страшно остаться без него, моего любимого папы, папули, папочки... Ведь я же не игрушка, которую можно выбросить просто так, если она надоела. Я живая девочка, его единственная дочка!

Знаешь, Боженька, у нас в детском саду у Ириши уже нет папы, и у Саши нет, а воспитательницы вздыхают и шепчутся, что у Димы и Сережи вообще никакого папы никогда и не было. Я, конечно, им не верю, ведь так не бывает, правда? И все же их мама приходит за ними одна и всегда такая измученная и несчастная. Боженька, я не хочу, чтобы моя мама тоже стала несчастная и чтобы наши воспитательницы шептались о ней...

Извини меня, пожалуйста, что я отняла у Тебя столько времени, а также за мои каракули и ошибки.

Я еще совсем маленькая девочка и не умею хорошо писать, но я знаю, Ты самый добрый на свете и не будешь за это сердиться. Помоги мне, дедушка Бог, верни нам моего папу, я всю жизнь буду Тебе молиться. Объясни ему, что никто никогда не будет так его любить, как мы с мамой... До свидания, милый Боженька. Твоя Катя».

Катя запечатала письмо в конверт и написала адрес:

<i>КУДА</i>	<i>На Небо</i>
<i>КОМУ</i>	<i>Дедушке Богу</i>

Потом она сбежала на первый этаж и опустила письмо в свой почтовый ящик, потому что часто видела, как почтальон бросает в ящики газеты и письма.

Андрей, Катин папа, тоже ждал момента, когда жена уйдет на дежурство, а дочка ляжет спать. Он хотел прийти в дом незаметно, чтобы забрать оставшиеся вещи и книги. Проходя мимо почтового ящика, он машинально открыл его и... Оттуда выпало Катино письмо...

Мама вернулась с работы, когда дочка еще спала.

— Катюша, доченька, — она принялась взволнованно тормозить девочку. — Ничего не понимаю. Тебе пришло какое-то странное письмо!

Катин сон как рукой сняло. Дрожащими пальчиками она распечатала конверт и вынула маленький лист бумаги. На нем крупными печатными буквами было написано: «Дорогая девочка, Катя! Не плачь. Твой папа завтра обязательно вернется. Насовсем. Я тебе обещаю. Дедушка Бог».

Содержание

Что сердечко подскажет? Борис Ганаго	3
А мама говорит... Любовь Ганаго.....	6
Сашка-Шурочка Наталья Ганаго	10
Бабочка-однодневка Борис Ганаго	14
Три Мурки Любовь Ганаго	16
Странный «домовенок» Наталья Ганаго	23
Паучище по прозвищу Дабл-Ю Наталья Ганаго	30
Где ты, соловушка? Борис Ганаго	35
Лучший подарок Наталья Ганаго	36
Как Петя полюбил читать Борис Ганаго	41
Бабушкина внучка Любовь Ганаго	47
Чудесная-расчудесная Наталья Ганаго	53
Мама возвращалась домой... Борис Ганаго	58
Письмо дедушке Богу Наталья Ганаго	60

Духовно-просветительное издание

Автор-составитель

Ганаго Борис Александрович

ЧТО СЕРДЕЧКО ПОДСКАЖЕТ

Сборник рассказов

Редактор и ответственный за выпуск: Александр Ганаго

Художник: Елена Пономаренко

Компьютерная верстка: Елизавета Земцова

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 04.07.2011.
Формат 60х84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 3,73.
Уч.-изд. л. 2,87. Тираж 10 000 экз. Заказ 2174.

Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г.Минске
Минской епархии Белорусской Православной Церкви,
ЛВ № 02330/0494311 от 04.03.2009,

220004, Беларусь, Минск, пр. Победителей, 82; тел.: 250-14-18.

Отпечатано в типографии ООО «Поликraft»

ЛП № 02330/0494199 от 03.04.2009 г., г.Минск, ул. Кнорина, 50

